

100 лет со дня рождения А. П. Александрова

Е. Б. АЛЕКСАНДРОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. П. АЛЕКСАНДРОВЕ

Дядя Классон и Ленин

В 1983 г. я проводил летний отпуск в кругу своих московских родственников. Анатолий Петрович с женой и обозом детей и внуков регулярно выезжал на Нижнюю Волгу, где жил спартанским лагерем в палатках на острове вблизи деревни Енотаевки. Этот остров обычно подвергался визитам районного и областного начальства, а АП в свою очередь считал своим долгом делать с острова два выезда: — в район, а другой — на обратном пути в Москву, в Астрахань, в качестве гостя секретаря обкома Бородина. В тот год я сопровождал АП и его жену Марьяну Александровну на их пути в Москву и оказался с ними в Астрахани. АП выступал с лекцией в доме культуры о перспективах мировой энергетики, потом был вечерний приём у хозяина области, после чего нас разместили на ночлег в гостевом коттедже на берегу Волги.

После множества впечатлений мне не спалось, и я, побродив по пустынно-му гостевому этажу, нашёл библиотеку. Там оказались только труды классиков марксизма. И тут мне пришла в голову интересная мысль — я вспомнил рассказы своего покойного отца, который говорил о брате своей матери — Роберте Эдуардовиче Классоне, известном русском инженере-электротехнике, строителе электростанций и первых в России энергетических сетей. А связь с классиками марксизма была прямая — дядя отца со студенческих лет был знаком с Лениным. Роберт Эдуардович вёл в Петербургском технологическом институте марксистский кружок, который в 1894 г. начал посещать молодой Ленин. В семейных преданиях было известно, что на собрании кружка, совмещенном с масленицей в доме Классона, впервые встретились Ленин и Крупская. Отец говорил мне, что позже дядя отошел от политики, но сохранил дружеские отношения с многими революционерами, помогал им деньгами, а при случае служил курьером между Россией и революционной эмиграцией в Женеве. После революции дядя Роберт интенсивно сотрудничал с новой властью в деле электрификации России.

И вот я решил воспользоваться случаем и посмотреть, нет ли каких-то следов моего двоюродного деда в собрании сочинений Ленина. Я знал склонность моего отца к сочинительству, и мне было интересно узнать, что он приукрасил в своих рассказах. Дело оказалось простым — каждый том собрания был снабжен указателем имен — и я сразу же обнаружил множество ссылок на имя Классона.

Всё, что говорил отец, тут же подтвердилось. Прежде всего я прочитал «справку». Цитирую по т. 16 пятого издания сочинений Ленина: «Классон, Р. Э. (1868–1926). Крупный инженер-электротехник. В 90-х годах XIX века был “легальным марксистом”, участвовал в петербургском марксистском кружке. Затем от политической деятельности отошел и посвятил себя электротехнике. По проектам Классона и под его руководством были построены многие электростанции в России, в том числе первая в мире электростанция, работавшая на торфяном топливе. Им предложен гидравлический способ добычи торфа, получивший практическое применение после революции благодаря энергичной поддержке В. И. Ленина. Принимал активное участие в подготовке плана ГОЭЛРО, был директором 1 Московской электростанции».

После этого я пересмотрел все материалы, связанные с именем Классона. В томах, относящихся к дореволюционному времени, нашлось немного — несколько упоминаний мельком и лишь одно обстоятельное личное письмо Ленина из Мюнхена 28 мая 1901 г. Классону с просьбой о деньгах для поддержки «группы, издающей и редактирующей “Искру” и “Зарю”». Речь шла как о разовом сборе, так и о регулярных взносах. Но с 1920 г. обнаружилось множество писем и записок Ленина в связи с проектом «Гидроторфа». Ленин уделяет исключительное внимание проекту, обеспечивая его автору, Р. Э. Классону максимальную поддержку. Однако относится Ленин к Классону настороженно. Их переписка иногда приобретает довольно острый характер. Классон всячески недоволен действиями новой администрации, мешающей ему работать. Ленин упрекает Классона в неумении бороться с волокитой и пользоваться данными ему полномочиями. Вот, например, что писал Ленин Классону в декабре 1920 г.: «Я боюсь, что Вы — извините за откровенность — не сумеете воспользоваться постановлением СНК о Гидроторфе. Боюсь я этого потому, что Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на „бессмысленные мечтания“ о реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму. Но говорю это не с целью упрека и не только потому, что вспомнил теоретические прения 1894–5 годов с Вами, а с целью узко практической». В секретном письме к И. И. Радченко — ответственному по торфяной промышленности — Ленин разделяет недоверие того к «изобретателям» и, в частности, добавляет, что «и Классон не сторонник наш... Изобретатели — чужие люди, но мы должны использовать их». Классону предоставляются большие средства для проведения работ, а также закупок за границей, но глаз с него не спускают. В 1921 г. Классон обращается к Ленину с просьбой разрешить взять с собой сына Ивана в очередную поездку в Германию. Ленин с готовностью разрешает, но тут же пишет секретную записку И. С. Уншлихту — заместителю председателя ВЧК — с указанием сына не выпускать. Год спустя он отменяет своё распоряжение в достаточно своеобразной форме: «Помните, я Вам писал однажды о том, чтобы не пускать за границу сына Роберта Эдуардовича Классона? По наведенным мною теперь справкам эта надобность отпала. Значит, с моей стороны (дважды выделено Лениным. — Е. А.) препятствий к его выезду нет», — пишет он опять секретную записку тому же Уншлихту.

*На Волге. А. П. Александров и Ёж
(так в семье Александровых называют племянника АП — Е. Б. Александрова). 1983 г.*

Я сделал закладки на наиболее интересных письмах и наутро показал их АП. Для него многое было новостью. Он реагировал озабоченно, как государственный человек. «По-моему, это политическая ошибка — открыто публиковать такие вещи», — сказал он.

Вскоре после этого я прочел содержательную монографию М. О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон», изданную еще в 1963 г. Там, разумеется, отношения Классона с Лениным были представлены практически безоблачными. Классон скоропостижно умер в 1926 г. Не сомневаюсь, что проживи он после смерти Ленина дольше, его судьба была бы печальна — большинство людей, бывших так или иначе в близких отношениях с Лениным, попали в 30-е гг. в мельницу репрессий. Тем более что Классон был выраженным лидером и тем самым человеком социально активным. Он постоянно писал полемические статьи в газеты, протестуя против засилья новой бюрократии, технически безграмотной и блокирующей компетентную инициативу. Его заносило и на сугубо политические вопросы — он решительно возражал против принципов принудительного труда в промышленности, становившихся

А. П. Александров и ёжик

всё более популярными. Газеты ещё печатали его статьи в 1926 г., но уже отмежевывались от позиции автора. По нынешней терминологии, Классон был социально ориентированным рыночником. Не сомневаюсь, что он погиб бы в первых процессах типа «дела промпартии».

Эти размышления невольно наводят на мысли о сходстве личностей и судеб дяди и племянника. Оба увлеченно и неутомимо работали на переднем крае научно-технического прогресса своего времени, оба были прекрасными организаторами и руководителями больших коллективов, оба возглавляли государственные проекты особой важности и пользовались особым вниманием высшего руководства страны. Оба имели сложные отношения с этим руководством. Оба прожили жизни крайне насыщенные и очень трудные.

Театр Александровых

Дом Анатолия Петровича, сколько я помню, всегда был предан театру. АП рассказывал, как в Киеве после революции он подрабатывал театральным осветителем и заодно пристрастился к театральному миру. В ленинградский период душой театральных развлечений — домашнего театра — стала Марьяна Александровна, тяготевшая к декоративной живописи. До и после войны сценаристом спектаклей обычно выступал мой отец, спектакли ставились на квартире АП в Физтехе, а все заботы по их оформлению доставались Ма-

Куклы были необходимым атрибутом театра Александровых. Кукла могла играть Александрова (вверху) или Александров — куклу (справа)...

рьяне Александровне. Я принимал участие в трех таких спектаклях, а один знаю по пересказам моего отца и по моим впечатлениям о декорациях, которые я видел. Сразу после войны был поставлен фантастический балет «Ученик чародея» на музыку Дюка. Вот как мне вспоминается либретто.

Старый Мерин, роль которого исполняет АП (имеется в виду чародей, имя которого пародирует Мерлина), грустит в своей колдовской пещере... Его не веселит искусство его ученика Мериноса (в роли старший брат Борис), научившегося превращать воду в вино. «Нет, — говорит Мерин средствами выразительного танца, — нет, это пить нельзя, это отравя. Сгоняй лучше в магазин за маленькой!» Пока Меринос бежит за маленькой, старый Мерин колдовством создает искусственную женщину со странным именем Гетерогинида (женщину изображал Игорь Павлович Янушевский при помощи надувания трех подвязанных сзади и спереди к нему шаров. Не все шары удавалось надуть по ходу спектакля, однако это только придавало ему более мейерхольдовский характер). Пришедший с водкой ученик чародея быстро напивается и начинает приставать к искусственной женщине. Это выводит из себя Мерина, он хватается двухстволку и стреляет в Мериноса — на этом заканчивается первое

...В его руках куклы дружили друг с другом...

отделение. Во втором отделении раскаявшийся Мерин пытается оживить Мериноса, он помещает его в огромную реторту, где Меринос безвольно плавает под музыку. Нарастающее музыкальное напряжение разрешается громовым ударом, от которого лопается реторта. Наступает темнота. Когда сцена снова освещается, обнаруживаются в беспорядке разбросанные тела чародея, ученика и Гетерогиниды. Постепенно они начинают шевелиться и скоро в убыстряющемся темпе соединяются в танце, призывающем зрителей более разумно относиться к спиртным напиткам, а именно — вовремя закусывать.

Декорации к спектаклю дополнялись световыми и пиротехническими эффектами. Например, в углу пещеры сидел огромный филин, его зеленые глаза временами загорались. (Они гасли после заливания филину в клюв стопки водки.)

В 1945 г. в доме Александровых по сказке Андерсена был поставлен спектакль «Огниво» в очень вольной интерпретации. Я играл роль солдата. Сцена проигрыша солдатом денег в кабаке выглядела так. Солдат входит в кабак и размышляет вслух: «Сколько взять? Сто граммов мало, двести — много». Кричит: «А ну подай два раза по 150!» Выпив, солдат решает сыграть в карты. Смотрит в зал и говорит: «С кем сыграю? — С Дишкой!» (т. е. с Игорем Павловичем Янушевским), который, с грохотом перелезая через зрителей, появляется на сцене, на ходу надевая черную пиратскую повязку на глаз. В таком духе импровизации с элементами хулиганства шел весь спектакль, равно развлекая детей и взрослых.

После переезда в Москву домашние спектакли Александровых продолжались, но уже без участия моего отца. Теперь сценарии к ним писали АП и

... И даже учились плавать

Докторуля¹. Один из спектаклей, поставленный во времена Хрущева, мог доставить авторам много неприятностей. Действие происходило в Институте кукурузы под названием НИИКуКу. В спектакле действующие лица пели: «Кукуруза, кукуруза — мощь Советского Союза».

Позже Марьяна Александровна увлеклась домашним кино. Был выпущен десяток фильмов, в которых обычно главную роль исполнял Анатолий Петрович. Но это уже отдельная большая тема.

¹ Георгий Ильич Арсеньев.

100 лет со дня рождения А. П. Александрова

И. П. ЛЕБЕДЕВ

ЗАЩИТА А. Г. МЕРЖАНОВА, ИЛИ А. П. АЛЕКСАНДРОВ ПРОТИВ КГБ

В 1983 г. моя 46-летняя служба в Советской Армии внезапно прервалась по независящим от меня причинам. Меня пригласили в Президиум АН СССР на прием к Анатолию Петровичу Александрову, который сказал мне буквально следующее: «Нам нужны ваши знания и организаторские таланты. В Академии сейчас создается служба экспортного контроля, и мы хотим, чтобы вы заняли в ней место ученого секретаря. Ваше военное руководство дало вам прекрасные характеристики, и вопрос о вашем переводе к нам согласован». Я выразил опасение, не слишком ли почтенен мой возраст для начала новой карьеры, но присутствовавший при беседе Е. П. Велихов меня успокоил: «Вы будете одним из самых молодых сотрудников аппарата Президиума». Так началась моя работа на академическом поприще, продлившаяся 16 лет.

Уже вскоре после моего назначения я понял, что в этой работе могут быть свои подводные камни. Как-то раз мой секретарь мне доложил, что меня хочет видеть следователь прокуратуры по особо важным делам. Из беседы с этим следователем я узнал об уголовном деле, открытом против ряда ученых Института химической физики (ИХФ), якобы продавших технологические секреты, составляющие государственную тайну, неким японским фирмам. Ему было поручено начать аресты и допросы подозреваемых и готовить дело к суду. Но он решил сперва поговорить со мной как человеком военным и к тому же занимающим важный пост — вдруг я что-нибудь слышал об этом деле.

В общих чертах мне было известно об открытии упомянутых им ученых, но ни о какой передаче ими технологии кому бы то ни было я ничего не знал. Однако как человек, знакомый с методами работы прокуратуры по особо важным делам, я посоветовал ему все же не торопиться с арестами, а для начала сходить на прием к самому Анатолию Петровичу, который может дать требуемые разъяснения. Надо сказать, что этот человек меня послушался, и все вышло именно так, как я ему и говорил. Арестов не было, следователь просил меня никому не рассказывать о его визите, а Анатолий Петрович пригласил меня к себе и поручил разобраться в причинах трений между научными сотрудниками Академии и прокуратурой. С этого и началось мое знакомство с явлением самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС), или *self-propagating high-temperature synthesis*, как называют его на Западе.